

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ И КОНСУЛЬТАЦИИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В XVI томе «Записок» Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР (Саранск, 1955) помещена статья О. А. Яковлевой «Значение слов *палец* и *перст* в древней Руси».

При ознакомлении с этой статьей трудно не обратить внимание на те упреки, которые адресуется филологам автор, историк по специальности; ср. на стр. 155: «Филологи наши — знатоки древнерусского языка — ни слова не говорят об этом в своих трудах». И несколько выше: «Филологи наши не разрешают вопроса: почему кольцо, надеваемое на большой палец руки, называлось *напалком*, а кольцо, надеваемое на любой из других пальцев руки, называлось *перстнем*».

Таким образом, тов. Яковлева утверждает, что выводы, к которым она пришла в своей работе и которые в общем не вызывают возражений, сделаны ею впервые. Существующую литературу она как бы совершенно игнорирует.

Так, например, тот факт, что основному для взятой ею темы вопросу о значениях слов *перст* и *палец* посвящена специальная статья, остается тов. Яковлевой, видимо, неизвестным (см. М. А. Соколова, Из истории слов основного словарного фонда русского языка, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», II, М., 1952). Не принят во внимание и тот материал, который дают нам по этому вопросу словари различных славянских языков, в которых имеется определенное, нередко значительное, исследование соответствующих материалов; не учитываются и другие имеющиеся источники.

Следует решительно возразить против такого подхода к исследованию того или иного вопроса, при котором исследователь не считает себя обязанным изучать и обобщать результаты предшествующих работ, хотя бы эти работы относились и к смежной области знания. Еще более недопустимо выступать при этом с необоснованными упреками. Между тем, с фактами этого рода приходится встречаться не только в работе О. А. Яковлевой, что и привело нас к мысли обратиться с специальным письмом по этому поводу в редакцию журнала «Вопросы языкознания».

[М. А. Соколова

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мне бы хотелось с помощью журнала «Вопросы языкознания» обратить внимание авторов учебных пособий по языкознанию на встречающиеся в их работах неправильные определения некоторых индийских языков. Вот что пишут об индийских языках:

«В центральную группу входят языки: собственно п е н д ж а б с к и й (16 млн. чел.), п а х а р с к и й, х и н д с к и й (западный — 42 млн. чел., восточный — 35 млн. чел.) и б и х а р и (36 млн. чел.).

Главным диалектом западного хиндского языка является х и н д у с т а н с к и й. На его основе созданы два литературных языка: у р д у — с арабским алфавитом (для индийцев-мусульман Пакистана) и х и н д и (в известной мере противопоставляющийся урду)» (А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, 2-е изд., М., 1953, стр. 201).

«Хиндустани (или индустани), 150 млн.; в двух литературных формах: у р д у — литературный язык Западного Пакистана, и х и н д и — литературный язык Индии; индусы-буддисты называют себя хинди и имеют письменность на основе стариндийского письма деванагари, индусы-мусульмане называют себя урду и имеют письменность арабскую» (А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 320).

Из этих примеров ясно виден разноречивый в терминологии и неправильное употребление терминов, что в учебных пособиях недопустимо.

1. Целесообразнее всего давать собственные названия индийских языков, не переделывая их. Такие термины, как «хиндский» и «пахарский», неупотребительны в нашей индологии. Вместо них употребляются соответственно «хинди» и «пахария».

Диалект языка хинди, распространенный в западной части штата Уттар Прадеш, называется «хиндустани». Иногда это название распространяют и на весь язык. Носителем языка хинди является народ хиндустани, населяющий штаты Уттар Прадеш, Бихар, Виндхья Прадеш, Мадхья Прадеш и частично территорию пенджабских штатов. Язык этот имеет две литературно-конфессиональные формы: у хиндустани-мусульман — урду, пользующийся арабско-персидской графикой и строящий свою научную и общественно-политическую терминологию на базе арабских и персидских лексических элементов, у хиндустани-индусов — хинди, пользующийся собственной графикой — алфавитом деванагари и использующий для построения научной и общественно-политической терминологии богатейшие возможности санскрита.

2. Не соответствует подлинному положению дел и цитированное выше утверждение в книге А. А. Реформатского, поскольку урду для всего Пакистана (а не только для Западного) является государственным языком, так же как хинди — государственным языком Индии. Можно смело сказать, что урду и в Индии является литературным языком в не меньшей степени, чем в Пакистане. Кроме того, на каждом из языков народов Индии существует обширная литература, и, следовательно, нельзя говорить о едином литературном языке как применительно к Индии, так и применительно к Пакистану.

3. Термины «индусы-буддисты» и «индусы-мусульмане» ошибочны. В нашей науке, как, впрочем, и вообще в языке, слово *индус* укоренилось в значении «последователь индуизма», а не как «житель Индии». В значении «житель Индии» употребляется слово *индиец*. Термин «индус-мусульманин» может быть сопоставлен, таким образом, с «православным католиком» или «католиком-иудеем» и его неправомерность ясна сама собой. Буддисты в Индии в настоящее время представляют очень незначительную общину. «Хинди» является самоназванием большей части народа хиндустани, иногда может употребляться и в значении «житель Индии». «Урду» как самоназвание народа неупотребительно. Характерно, что такой поэт, как Икбал, в своем стихотворении «Хиндустан хамара» подчеркивает: «хинди хэйи хам», т. е. «мы — хинди», а не «мы — урду», хотя он и является крупнейшим поэтом нового времени, писавшим на урду.

В трудах наших крупнейших индологов — акад. А. П. Баранникова и других можно найти толкование всем приведенным выше терминам.

Кроме всего сказанного, хотелось бы выразить пожелание, чтобы индийские имена и термины, широко употребляющиеся ныне на страницах газет и журналов, писались в форме, наиболее близкой к их реальному звучанию и соответствующих национальным языкам Индии.

И. Д. Серебряков

ПОСЛОВУДОДНОГО ОБЗОРА

В связи со статьей Л. С. Бархударова «Журнал „Иностранные языки в школе“ в 1953—1954 гг. (Обзор статей по вопросам языкознания)», напечатанной в первом номере нашего журнала за 1956 г., редакция получила ряд писем читателей.

Отвечая на замечания Л. С. Бархударова (см. указ. обзор, стр. 138) по поводу статьи «О фразеологических сращениях в современном английском языке»¹, автор этой статьи А. В. Кунин (Москва) пишет, что в его статье критике подвергается не «невыводимость» значения целого из значений компонентов вообще, а невыводимость общего значения сращения из значений компонентов «без этимологического анализа как частей, так и целого в определенных исторических условиях его становления» (ср. стр. 29 статьи А. В. Кунина). «Таким образом, — пишет А. В. Кунин, — термины „немотивированность“ и „невыводимость“ вполне правомерны, если речь идет о современном этапе развития языка».

Л. С. Бархударов считает, что второй признак фразеологических сращений, выдвигаемый А. В. Куниным (синтаксическая неделимость), по существу приводит к порочному кругу: фразеологическое сращение определяется как синтаксически неделимое, однако решить вопрос о том, неделимо ли данное сочетание в синтаксическом плане, можно только установив, является ли оно фразеологическим сращением или нет (см. указ. обзор, стр. 138). Возражая против этого положения Л. С. Бархударова, А. В. Кунин пишет, что «рецензент был бы прав, если бы единственным признаком сращения, отличающим его от других типов фразеологических единиц, была бы синтаксическая

¹ «Ип. яз. в шк.», 1953, № 2.